

50 ЛУЧШИХ АВАНТЮРНЫХ ДЕТЕКТИВОВ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

*Неопознанный
ходячий объект*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Оформление серии *Д. Сазонова*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Неопознанный ходячий объект : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-221635-0

Подружек Анфису и Женьку приключения находят сами — даже искать не надо. Казалось бы, в такой глухомани, куда занесло девушек, вообще ничего не происходит, но нет: три убийства кряду при очень загадочных обстоятельствах, черные мессы на заброшенной мельнице, ледянящий душу вой с болот и — масса подозреваемых. Только вот улики маловато. А когда те появляются, становятся уже и ни к чему: преступники-то — вот они, стоят рядом и нагло усмеваются...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221635-0

© Полякова Т.В., наследники, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

— Это черт знает что такое! — заявила Женька, и я удрученно кивнула в знак согласия. — Что он себе позволяет? — продолжила подружка. — Нет, спускать такое с рук никак нельзя, себе дороже.

Я вздохнула и даже шмыгнула носом от обиды и отчаяния, потому что Женька была права по всем статьям: и с рук спускать нельзя, и себе дороже. Однако Женьке хорошо говорить, а каково мне, ведь речь идет о моем муже? Роман Андреевич, бравоый полковник спецназа, в самом деле время от времени позволял себе... я хочу сказать, иногда он вел себя как распоследняя свинья, прошу прощения... Взять, к примеру, вчерашний случай. Разумный человек сначала бы выяснил, в чем дело, а уж потом бы начал столы кувыркать, хотя, по моему мнению, разумному человеку столы кувыркать вовсе ни к чему. Впрочем, зная характер мужа, стоило предупредить его, что я иду в ресторан с двумя типами, то есть не я иду, конечно, мне-то они даром не нужны, идет Женька, а я ее сопровождаю. Но подружка сказала, что предупреждать Ромку не стоит, не то он непременно разволнуется и начнет воспитывать, лучше, мол, сходим по-тихому, он даже ничего не узнает. По-тихому не получилось, то есть получилось

6 совсем наоборот, даже очень громко, так что лучше бы он нас воспитывал, а не столы в ресторане кувыркал.

Вспомнив об этом, я пунцово покраснела и тяжело вздохнула уже который раз за утро. Женька, нахмутив брови, посмотрела на меня и заметила:

— Гнать его надо. В шею.

— Как это? — испугалась я. Прежде всего сама идея показалась мне крайне сомнительной в плане претворения ее в жизнь: Роман Андреевич — мужчина очень крупный, и гнать его в шею весьма затруднительно. А потом, что значит «гнать»? — Ну не разводиться же мне с ним? — испуганно спросила я и даже поежилась.

Конечно, Ромка иногда ведет себя ужасно, потому что патологически ревнив. Хотя с какой стати ему ревновать, а главное, к кому, я постигнуть не в состоянии. Тут я невольно поморщилась и вдруг подумала: «Вечно я иду на поводу у подружки, от этого все мои неприятности», — тут же устыдилась такого предательства по отношению к Женьке и ни с того ни с сего заревела.

— Анфиса, — протянула Женька, обняла меня и тоже заревела. — Ну что ты? Помиришься ты со своим Ромкой, нашла о ком слезы лить.

— Дело не только в этом, — прохныкала я.

— А в чем?

— Во многих вещах. Из-за его выходки ты лишилась...

— Наплюй, — перебила меня подружка и махнула рукой. — Найду еще спонсоров, а не найду — не велика потеря, мир вполне способен выстоять и без моих рассказов о собаках и кошках.

— А стыдно-то как, Женечка, — всхлинула я. 7

— Подумаешь, покидал мужик столы. Если уж быть точным, пострадал всего один стол. Наш. И Ромка за все расплатился. А эти хмыри в ресторане пусть не делают вид, что такое им в диковинку. В этом кабаке в прошлом году Жора Самсонов пальбу устроил. Народ натурально залег, а Жорка полтора часа держал оборону и даже орал: «За Родину, за Сталина», когда спецназ вызвали.

— Мне Ромочка рассказывал, — кивнула я.

— Ну... Жора немного отдохнул в психушке и сейчас в «Лютении» любимый клиент.

— При чем здесь психушка? — испугалась я.

Женька только рукой махнула.

— Ромку твоего в психушку не отправят, он же не орал: «Родина-мать зовет» — и стрельбу тоже не устраивал, хотя, если б кто поинтересовался моим мнением, я б посоветовала твоему муженьку валерьянку пить. Лучше ведрами. Уж очень он у нас возбудимый.

Мы дружно вздохнули и замолчали.

Я жалобно взглянула на Женьку и вздохнула еще раз, выходило, что подружка пострадала больше всех. И хоть она сейчас храбрится, но наверняка здорово переживает. Дело в том, что Евгения Петровна пишет рассказы, главными героями коих являются животные, и печатает их в воскресных номерах газеты, в которой работает уже лет пять. Ее произведения печатались под рубрикой «Окно в природу». Рассказов накопилось уже немало, и Женька решила выпустить их отдельной книжкой. Я активно поддержала эту идею и предложила свою

8 помощь. Если честно, мне хотелось сделать Женьке подарок: издать на свои средства книгу тиражом экземпляров в триста, зато на хорошей бумаге и с иллюстрациями местного художника Петровского, который тоже очень любил животных... Но подружке моя идея пришлась не по вкусу.

— Издавать книжку на свои деньги — это белая горячка, — сурово отрезала она. — Если ты решила потратиться, лучше на день рождения резину мне купи. Лето, а на моей тачке ездить нельзя, менты цепляются. А чтоб книжку издать, я спонсоров найду, можешь не сомневаться.

В Женьке я никогда не сомневалась, подарила ей комплект резины, а она занялась поисками спонсоров, и таковые в самом деле не замедлили объявиться. Женька позвонила мне накануне и похвастала:

— Слышь, Анфиса, дело, считай, в шляпе. Один хмырь готов раскошелиться. Соловьем пел... Но ты должна мне помочь. У хмыря друг совершенно помещался на детективах, причем на твоих в особенности. Просто жаждет познакомиться. Я так думаю: если мы правильно себя поведем, мои рассказы выйдут на мелованной бумаге в сафьяновом переплете. — Если честно, местоимение «мы», употребленное Евгенией Петровной, меня насторожило, но возражать я не рискнула, утешив себя мыслью, что нет ничего плохого в том, чтоб познакомиться с каким-то хмырем, то есть другом хмыря, и тем самым помочь подружке. — Короче, сегодня вечером идем в «Лютецию».

— Я не могу, — запаниковала я, — Роман Андреевич...

Но подружка сурово перебила:

— Роман Андреевич сегодня дежурит, так что не вкручивай... 9

— Хорошо, — пошла я на попятную, — я с ним поговорю.

— Еще чего, он сто предлогов изобретет, чтоб тебя из дома не выпустить.

— Ничего подобного, — попробовала я вступить за мужа, но Женька вновь перебила меня:

— Не вздумай ему рассказать. И помни, ты моя самая близкая подруга и просто обязана думать о моем благополучии. Так что Ромке о ресторане помалкивай, подгребай к шести часам к зданию цирка, там мы тебя и заберем.

Мы тепло простились, но через пятнадцать минут Женька опять позвонила, и мы стали совещаться: что надеть вечером и какую следует сделать прическу. Впрочем, вопрос о прическе касался только меня, свои волосы Женька месяц назад обкорнала, так что теперь могла о них не беспокоиться до тех пор, пока они хоть немного не отрастут. Волосы, в знак протеста против различного рода истязаний, на Женькиной голове произрастали весьма неохотно. Должно быть, с отчаяния она взяла да и выкрасила те, что еще украшали ее макушку, в синий цвет и стала выглядеть сногшибательно в буквальном смысле слова. Так что когда Женька, рассказывая об очередном своем знакомом, произносила фразу «Он совершенно остолбенел», мне и в голову не приходило усомниться в этом.

Мы благополучно закончили переговоры, и в 18.00 я появилась возле здания цирка, где меня поджидал роскошный «БМВ», из которого вышли двое молодых мужчин и моя подруга. Мужчины

10 выглядели абсолютно счастливыми и рассыпались в комплиментах. Занятая знакомством и улыбками, я совершенно не обращала внимания на то, что происходит по соседству. И совершенно напрасно, как выяснилось. По соседству в тот момент проезжал Роман Андреевич и мог наблюдать с расстояния в несколько метров, как я загружаюсь в «БМВ» с помощью молодого человека, который демонстрировал свой восторг моей персоной со всей страстью души, на какую только был способен. Супруг, забыв об очередном боевом задании, проследовал за нами до «Лютеции». Не успели мы устроиться за столом, как в зале возник Роман Андреевич, и... вспоминать, что было дальше, совершенно не хотелось. Ромка вел себя как неандерталец, не обращая внимания ни на мои объяснения, ни на Женькины отчаянные вопли. Но это еще не все. Он привез меня домой и там устроил повторный скандал. Говорил мне гадости, топал ногами (у нас третий этаж, а у Ромки — комплектация). Бедные соседи под нами наверняка решили, что началось землетрясение. И только когда я в отчаянии запустила в него чайником, согласился выслушать мои объяснения. Тут подросла Женька, которая все это время утешала пострадавших бизнесменов и своих несостоявшихся спонсоров, и слово в слово повторила то, что десять минут назад поведала я.

Немного успокоившись, но все еще подозревая нас во всех смертных грехах, Роман Андреевич принялся за наше воспитание, но ногами не топал, и это было уже хорошо. Однако, как всегда в таких случаях, муженек перегнул палку, и очень скоро я начала чувствовать себя не виновницей семейной

ссоры, а жертвой чудовищного насилия со стороны тирана-супруга, и мы вновь принялись скандалить. Женька убежала, я лишилась поддержки, и в результате Роман Андреевич запер меня в ванной, как он заявил, «до полного прояснения в мозгах». Я была выпущена только около полуночи, после чего сама заперлась в спальней, пригрозив, что, если Роман Андреевич не прекратит ломиться в дверь, я воспользуюсь балконом, чтобы перебраться к соседям. Мы с мужем неплохо знали друг друга — он угомонился, и я смогла лечь спать. А проснувшись утром, обнаружила себя запертой в квартире, причем ключи мои из сумки исчезли.

Я сразу же позвонила Женьке, и она согласилась со мной, что это черт знает что и надо бороться. Воспользовавшись балконом соседней (сказать по чести, это было и не трудно, и не опасно), я смогла вырваться на волю. Женька поджидала меня во дворе на своих «Жигулях», мы обнялись, всплакнули и поехали к ней — думать, как жить дальше, что и делали до сих пор.

Наше молчание несколько затянулось, мы обменялись взглядами, и Женька мрачно заявила:

— Если ты его простишь, как следует не помучив...

Я испуганно моргнула и машинально схватилась за сердце, но нашла в себе силы проявить твердость.

— Думаешь, я должна подать на развод? — леденя от своей решимости, а заодно и от отчаяния, спросила я. Если честно, разводиться с Ромкой мне не приходило в голову даже в самые неприятные минуты нашей совместной жизни. На мой взгляд, у мужа имелись неоспоримые достоинства, которые перевешивали кое-какие недостатки. Женька тоже

12 моргнула, дернула плечом и потеряла нос, после чего ответила:

— Ну... проучить его все ж таки надо.

— Надо, — согласилась я, и мы уставились друг на друга в ожидании дельных предложений.

Тут выяснилось, что у меня их нет и у Женьки, судя по всему, тоже. Это тут же сказалось на нашем энтузиазме, мы загрустили, начали вздыхать все чаще и горше и поспешно отводили глаза друг от друга.

— Да-а, — неопределенно заметила Женька, а я вдруг подумала, может, не стоило мне сбежать из квартиры через соседский балкон? В конце концов, я могла бы немного посидеть в квартире, заодно занялась бы уборкой, давно собиралась... А Ромка, вернувшись с работы, непременно бы подобрел. А если б я еще на жизнь пожаловалась да заревела, и вовсе стал бы каяться, сделал бы для меня что-нибудь приятное, например, взял бы недельный отпуск, и мы поехали бы вдвоем куда-нибудь отдохнуть — погода, кстати, очень к этому располагает.

Однако высказывать крамольные мысли вслух я не рискнула, Женьке это вряд ли понравится. Опять же, подружка права, Ромка ведет себя по-свински, лишь только дело касается мужчин. А самое неприятное — начинает действовать прежде, чем я успеваю что-то объяснить. И хотя в этот раз Женькины спонсоры не очень-то пострадали, я имею в виду увечья. В основном пострадали их костюмы, но об этом горевать глупо, в конце концов, люди они не бедные и недостатка в костюмах не испытывают.

Тут у меня зазвонил сотовый, мы с Женькой разом вздрогнули и уставились на телефон, который лежал на столе рядом с сахарницей.

— Это он, — почему-то шепотом сказала подружка, я взглянула на экран, где высветился номер, и согласно кивнула:

— Он.

— Выключи, — заволновалась Женька. Мой телефон прекратил дребезжать, зато сразу зазвонил Женькин. Подружка не шелохнулась, испуганно косясь на перламутрово-зеленый аппарат, тут включился автоответчик, и мы услышали Ромкин голос.

— Женька, — рявкнул муженек, — Анфиса у тебя? Я сейчас подъеду. И не вздумайте дурака валять, не то мало не покажется.

— Что же делать? — пролепетала я, тоже переходя на шепот.

— Бежать, — заявила Женька и устремилась к окну. Честно говоря, я здорово испугалась, потому что у Женьки третий этаж. Но оказалось, что подружка просто обозревает двор, желая убедиться, что Роман Андреевич еще не появился там. — Собери самое необходимое, — зашептала она.

— В каком смысле? — растерялась я. Женька нахмурилась, должно быть, злясь на мою бестолковость, вновь выглянула в окно и принялась чертыхаться:

— Вот он. Опоздали.

Мы бестолково метались по Женькиной кухне, пока подруга, ухватив меня за руку, не бросилась прочь из квартиры, но побежали мы не вниз, что было бы неразумно, раз мы не собирались встречаться с моим благоверным, а понеслись вверх по лестнице. Дом у Женьки пятиэтажный, и вскоре мы достигли пятого этажа.

14 — На чердак, — скомандовала она, и через пять минут, прильнув к чердачному окну, мы с некоторым трудом смогли разглядеть машину Романа Андреевича, которую он бросил возле мусорных баков. — А тачка смотрится неплохо, — немного невпопад заметила подружка. — Что значит новая.

— У тебя тоже новая, — напомнила я.

Женька нахмурилась:

— Была.

Конечно, после двух столкновений с воротами гаража, в который Женька пыталась заехать, назвать ее машину совсем новой язык не поворачивался, но с предыдущей Женькиной машиной было еще хуже, так что с этой ей, считай, повезло.

— Хорошо, что я тачку в гараже оставила, — пробормотала Женька, чутко прислушиваясь к тому, что происходило в подъезде. — Может, этот гад решит, что нас нет дома? Как думаешь, он дверь не будет выламывать?

Я подумала, что Женьке не мешало бы выйти замуж и вдоволь называть гадом своего мужа, но промолчала, лишь сведенными бровями и неодобрительным взглядом давая понять, что направление, которое принял наш разговор, мне не по душе. Тут хлопнула подъездная дверь, и через минуту мы смогли лицезреть Романа Андреевича, который вышагивал к своей машине.

— И ничего он выламывать не собирался, — удовлетворенно заметила я, хотя за пару секунд до этого клясться в том ни за что бы не стала.

— Слава богу, — вздохнула Женька. — Дверь у меня хлипкая, и, по большому счету, ее не жал-

ко, пусть бы крушил на здоровье, но ведь потом мороки... Ну что, раба божья Анфиса, потопали?

— Куда? — поинтересовалась я.

— Не знаю... — Женька еще раз выглянула в чердачное окно. Роман Андреевич как раз покидал двор. — Ромка твой хоть и без царя в голове, но жутко хитрющий, ему ничего не стоит занять позицию где-нибудь по соседству, чтоб хорошо просматривалась дверь подъезда, и выследить нас.

— Что же делать? — испугалась я, перспектива сидеть целый день на чердаке меня совершенно не прельщала.

— Пойдем через третий подъезд, — скомандовала Женька, — и сразу в кусты.

— Какие кусты? — Не знаю, что на меня нашло в тот день, но соображала я в самом деле неважно.

— Анфиса, соберись! — рявкнула подружка. — Кусты рядом с подъездом, уходим через парк. В гараж за тачкой заходить нельзя, он нас там может перехватить, значит, будем прорываться к остановке.

— А что потом, Женечка? — проблеяла я.

— Потом я еще не придумала. За мной.

Чихая от поднятой нами пыли, мы прошли к третьему подъезду и выбрались на лестничную клетку. Немного поглазели в окно, впрочем, без всякого толка, после пятиминутной подготовки, покинув подъезд, юркнули в кусты и что есть духу припустили к остановке.

Ромкиной машины видно не было, это меня успокоило, я перестала втягивать голову в плечи и даже рискнула спросить:

— Куда теперь?

16 Женька, сидя в тени афишной тумбы, размышляла никак не меньше пятнадцати минут.

— Ни к кому из девчонок тебе нельзя. Найдет. Слушай, Людка говорила, что у нее родители на дачу укатили, на все лето.

— Говорила, — кивнула я.

— Вот и отлично. Значит, квартира пустует, у нее и спрячемся.

— Тебе-то чего прятаться? — с легкой обидой заметила я.

— Если Ромка меня поймает, я могу проболтаться, — мрачно заметила Женька. — У каждого человека есть запас прочности. Свой я еще не проверяла, и, честно говоря, даже не хочется, если будут допрашивать с пристрастием, боюсь, могу не выдержать.

— Кто тебя будет допрашивать? — перепугалась я.

Женька задумалась, потом махнула рукой и заявила:

— Звони Людке на работу.

Людка поначалу нам обрадовалась, потом растерялась, а затем начала волноваться.

— Да что случилось-то? — испуганно воскликнула она, Женька отобрала у меня трубку и начала излагать:

— Ромка вчера поколотил моих спонсоров, Анфиса на него сильно осерчала и решила наказать. Но ты же Ромку знаешь, если Анфиса вступит с ним в контакт, с его воспитанием очень скоро будет покончено, потому она должна держаться от него подальше. Мы тут прикинули: самое подходящее для этого место — квартира твоих родителей. Ром-

ка о ней точно не знает. Мы укроемся там на пару дней. Думаю, за это время в мозгах у него прояснится, он все осознает, а мы сможем вернуться домой. 17

— Хорошо, — согласилась Людка, — подъезжайте к пяти часам.

Мы трижды сказали «спасибо» и отключились, а потом загрустили. До пяти было еще довольно много времени. Поразмышляв немного, мы отправились в парк культуры и отдыха, где с приятностью провели часа полтора и даже смогли пообедать в кафе под открытым небом.

— У Ромки твоего совещаний не намечается? — некоторое время сосредоточенно над чем-то поразмышляв, спросила Женька.

— Завтра, в девять утра, — пожалала я плечами, гадая, зачем ей Ромкино совещание.

— Это хорошо. Мне на работу прорваться надо. Предупредить, чтоб не ждали, и все такое. Еще и причину надо придумать... Хорошо бы творческую командировку.

— Думаю, ты преувеличиваешь. Не будет тебя Ромка целыми днями выслеживать. А на звонки не отвечай, попроси кого-нибудь брать трубку и спрашивать, кто тобой интересуется.

— Как же, с твоим Ромкой этот номер не пройдет, — покачала головой подружка.

— Не драматизируй, — нахмурилась я, — он обзвонит всех наших и угомонится, будет названивать на мой сотовый, пока я не отвечу.

— А ты когда отвечать думаешь?

— Дня через два, — трезво оценивая свои силы, заявила я.

18 Но вскоре стало ясно — двумя днями никак не обойтись. К тому моменту Роман Андреевич развил бурную деятельность, буквально терроризируя моих подруг. Когда позвонила Верка с рассказом, как Ромка ворвался к ней в магазин и учинил форменный скандал, я расстроилась. А после четвертого звонка уже пылала праведным гневом и поклялась, что подобные выходки очень дорого ему обойдутся, и увеличила срок до недели, а потом в приступе отчаяния и до двух недель. Тут Женька меня остановила, посоветовав не увлекаться.

Мы взяли такси и поехали к Людкиным родителям. Сама Людка поджидала нас, сидя на балконе. Она вручила нам ключи и уехала, так как торопилась в детский сад за дочкой, а мы с подружкой сели пить чай на кухне. Разговаривать мне не хотелось, и я по большей части молчала, время от времени односложно отвечая на Женькины вопросы.

— Чего нос повесила? — спросила она.

— А чему радоваться? Из дома я через балкон сбежала, и теперь у меня даже одежды нет.

— Я тебе свою одолжу, — осчастливила меня Женька, а я закатила глаза, демонстрируя бурный восторг и заодно пытаюсь вспомнить, что из Женькиных вещей я могла бы надеть без того, чтоб самой себе не казаться чокнутой. Вкусы у Женьки такие, что облачиться в ее тряпки мог только человек совсем отчаянный. Подружка с синим цветом волос чувствовала себя совершенно естественно, а одеваться предпочитала «оживленно», причем до такой степени, что в глазах рябило.

В общем, жизнь не особенно радовала не только меня, но и Женьку. Мы попробовали смотреть те-

левизор — не помогало. Порылись в чужой библиотеке, в основном состоящей из любовных романов. Подружка выбрала «Джейн Эйр» и стала читать роман вслух. Наверное, ей стоило остановиться на другом произведении. Вместо того чтобы отвлечься и на некоторое время забыть, с какой такой стати я сижу в чужой квартире и тоскую, я вдруг мысленно вернулась к нашей с Романом Андреевичем совместной жизни, и она мне показалась чистым сахаром. И чем дальше Женька читала, тем сахарнее она становилась, так что сам Роман Андреевич представлялся мне прекраснейшим молодым человеком без намека на недостатки, душевным, чутким и страдающим из-за моей черствости и нежелания его понять. Я совершенно неожиданно заревела, потому что теперь сидение в чужой квартире казалось не только глупым, но и преступным (это ведь преступление — разбить сердце достойнейшему человеку), и Женька вдруг тоже заревела, обняла меня и сказала:

— Вот за что я люблю тебя, Анфиса, так это за чуткую душу: ты можешь переживать чужое страдание, как свое. Не многие теперь на такое способны. — Подружка вздохнула и, давясь слезами, принялась читать дальше, а я заревела еще горше, потому что после Женькиных слов поднимать вопрос о возвращении к Роману Андреевичу было как-то неловко.

Однако где-то в половине двенадцатого, когда подуставшая Женька закончила чтение и начала готовиться ко сну, я пробралась в ванную с сотовым в кармане и, включив воду, чтоб подружка меня не слышала, позвонила домой. Автоответчик моим голосом сообщил, что хозяева отсутствуют.

20 — Ромка, — позвала я, — возьми сейчас же трубку.

Ответом мне было молчание. Несколько обескураженная, я набрала номер сотового мужа и узнала, что он находится в зоне недосягаемости. Интересно, где эта самая зона. Забыв о конспирации, я точно фурия вылетела из ванной и завопила:

— Его нет дома!

— Естественно, — ничуть не удивилась Женька ни моему появлению из ванной, ни отсутствию Романа Андреевича. — Он носится по городу и ищет тебя.

— У него сотовый отключен.

— Если он весь день в бегах, вполне возможно, что он забыл его подзарядить.

— Ничего подобного, он делает это нарочно.

— Ты думаешь? — нахмурилась подружка. — Бегает по городу и вместе с тем от тебя прячется?

— Вот именно. Ты Ромку плохо знаешь, это такой иезуит! — с отчаянием воскликнула я и примерно час рассказывала Женьке о возмутительных чертах характера мужа до тех самых пор, пока не заметила, что та, повернувшись на правый бок, спит, сладко посапывая.

Я вздохнула и улеглась рядом с ней, но уснула лишь под утро, сон мой был чуток и облегчения не принес. В половине девятого Женька отбыла в родную редакцию, а в двенадцать уже вернулась с внушительного вида чемоданом в руке.

— Вот, — сказала она, поставив его посреди прихожей, — собрала нам кое-что. Думаю, даже на двоих барахла вполне хватит. Рядиться особо не придется, потому что мы с тобой отправляемся

в российскую глубинку. Ты начнешь писать бестселлер, а я пару статей забацию. 21

— В какую глубинку? — насторожилась я.

— В Липатово.

Название ничего моему разуму не говорило.

— А где это?

— В ста двадцати километрах от нашего славного города, и при этом сплошь глухие леса и болота.

— А зачем нам в Липатово? — усомнилась я в надобности моего присутствия среди лесов и болот.

— По большому счету делать там, конечно, нечего, — почесав в затылке, сообщила Женька. — Но, во-первых, не худо проветриться и ненадолго убраться из города, чтоб твоего Романа Андреевича в чувство привести, во-вторых, сейчас в моем бизнесе мертвый сезон: выборы прошли, народ по дачам разъехался и ни о чем, кроме нового урожая, слышать не желает. В это время хорошо идут рассказы о всякой чертовщине, переселении душ, НЛО и прочее.

— А что, в этом Липатове НЛО приземлился или кто-то переселился?

— Может, и не НЛО, но чертовщина там точно водится. В редакцию оттуда письма идут с регулярностью часового механизма. И одно другого затейливее. Сегодня опять депешу получили, меня начальство командирует разобраться с чертовщиной, так сказать, на месте.

— И что? — не очень уверенно спросила я.

— Анфиса, — вздохнула Женька, — чего на тебя опять накатило? Я имею в виду бестолковость. Начинаю думать, что это врожденное.

— Вот сейчас получишь по носу, — рассвирепела я, — и думать вовсе перестанешь.

22 — Ладно, не злись, — смилостивилась подруга, — ехать так и так придется. Говорю, сейчас не сезон, а газетка наша выходит регулярно, и ее надо чем-то заполнять. Хочешь не хочешь, а глубинки не миновать. Так чего ж мне одной страдать, давай за компанию.

С моей точки зрения, страдать за компанию было довольно глупым занятием, с другой стороны, коварство Романа Андреевича рождало в душе оторопь. А если я продолжу сидение в чужой квартире, да еще в одиночку, надолго меня не хватит, начну звонить супостату, а то и того хуже: домой поеду. И вместо воспитательного мероприятия выйдет черт знает что. Женька права, надо ехать. День, два я способна выдержать в глубинке, опять же природа и погода располагают, а больше двух дней Женьке не понадобится, чтоб разобраться с чертовщиной.

Воодушевленная такими соображениями, я кивнула и заявила:

— Едем в глубинку.

— Отлично, — невероятно обрадовалась Женька. Как видно, идея путешествовать в одиночку ее совершенно не прельщала.

— Когда отправляемся? — уточнила я.

— Сейчас. Я на машине. Загружаемся в мою тачку, завезем Людке ключи — и вперед, навстречу мечте.

— Какой мечте? — нахмурилась я.

— Ладно, Анфиса, — опять вздохнула Женька, — собирайся.

— Интересно, что ты имеешь в виду, — съязвила я, — раз у меня вовсе ничего нет.